

- [Болотов В.В., проф.](#)

- [Примечания](#)

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [*](#)
  - [—](#)
-

Гонение на христиан при Нероне*

ХАРАКТЕР преследования христиан при Нероне составляет предмет споров. В конце концов, эти пререкания сводятся к вопросу о толковании текста *Annal.* 15,44 Тацита,¹ а для самого толкования не безразличен вопрос о ценности его исторических показаний в этой области. Пусть значение Тацита как историка Рима при первых цезарях стоит неоспоримо высоко²; но, первоклассный повествователь судеб Рима, стоял ли он на той же высоте и там, где ему приходилось говорить о варварах? Нельзя забывать, что за его *Histor.* 5, 2—9 Тертуллиан аттестовал его словами: *Cornelius Tacitus, sane ille mendaciorum loquacissimus*³, и мудро оспаривать, что этот отзыв оправдывается существом дела. Тацит достаточно проникновенен, чтобы понять, как легкомысленно думали те, которые полагали, что иудеи почитают *Liberum patrem*. Но те данные, которыми он располагал, столь же решительно говорили, что иудеи чтут «*mente sola unumque numen*», единого вечного невидимого неизобразимого Бога, и потому у них «*nulla simulacra*». И тем не менее Тацит не затруднился сказать, что иудеи поклоняются изображению осла. Именно за это Тертуллиан и отзывался так нелестно о римском историке. То несомненно, что он пользовался очень плохими источниками для составления очерка истории иудеев, и едва ли можно считать случайностью, в которой он нисколько неповинен, то обстоятельство, что ему осталась неизвестна *iουδαϊκῆ ἀρχαιολογία* Иосифа Флавия, написанная в Риме в 93 — 94 году и посвященная Епафродиту, быть может грамматнику и собственнику большой библиотеки, богатой редкими сочинениями. Искусство делать рекламу знакомо было иудеям издавна, и священник полемист и историк, пользовавшийся покровительством при дворе Флавиев, едва ли был совсем незаметен в Риме. Незнакомство с его трудом походит на тенденциозное игнорирование.

Тацит нисколько не маскирует своего отношения к иудеям: глухое концентрированное презрение к ним делает его неспособным понять в их учреждениях высокое. «*Profana illic omnia quae apud nos sacra, rursum concessa apud illos quae nobis incesta*». «*Inter se nihil illicitum*». Эти громкие «*omnia*» и «*nihil*» отзываю клеветой: так трудно наполнить эти широкие рамки определенными понятиями! «*Judaeorum mos absurdus sordidusque*», «*instituta sinistra foeda*», оказываются такими только потому, что римский историк считает в иудее преступлением то, что в римляне признал бы за добродетель, и подставляет злостные побуждения под такие религиозные учреждения иудеев (принесение в жертву тельцов и овнов), которые не разнятся от римских. — Так судит о религии и нравах ненавидимого народа писатель, которого восхваляли за умение рассуждать *eloquentissime et, quod eximium orationi eius inest, σεμνῶς*⁴. И есть все основания опасаться, что *Annal.* 15, 44 написаны в том же духе, в каком *Histor.* 5, 2—9; что и в отношении к христианам Тацит держит себя не менее *σεμνῶς*: переносит на них все свое отвращение от иудеев, зная, что *Judaea — origo huius mali*. Он не только смешивает, подобно своим современникам, христиан со всяким восточным сбродом, который — как предложение на спрос — являлся в Рим и не церемонился в выражении своей нравственной сущности, — но и не скупится на такие черные краски, которых нет в известиях о христианах у других писателей. У Светония христианство — *superstitio nova et malefica*, у Плиния — только *superstitio prava inmodicā* у Тацита — *exitibilis superstitio*. О предполагаемых *flagitia* христиан Светоний молчит; Плиний докладывает, что следствие не подтвердило его подозрений в этом

направлении: у Тацита христиане — *per flagitia invisī*. Плиний признает христиан достойными смертной казни, *debere puniri*, подчеркивая при этом их *obstinatio* для Тацита они — *sontes et novissima exempla meriti*. И немножко гуманности (*miseratio*) на подкладке республиканской гражданской скорби (*in saevitiam unius*) скорее подчеркивает, чем смягчает тон непоколебимой холодной враждебности, взятый Тацитом в отношении к христианам. «*Vile damnum!*»⁵ здесь было бы столь же на месте.

Когда писатель выносит в корне фальшивое представлено о христианах, нужно допустить, что или его источники очень плохи или его работа над ними довольно небрежная. О Таците во всяком случае следует допустить последнее предположение. Изображение христиан у него столь же мало страдает избытком кропотливости, сколько и очерк иудеев. Там широкий мазок в виде «*profana illic omnia quae apud nos sacra*»; здесь барски небрежные «*sontes*» и «*qui fatebantur*», словно все эти *pereuntes, ingens multitudo*, не стоили даже того, чтобы определенно формулировать смысл их «сознания», их предполагаемое преступление. Там «*adversus omnes alios hostile odium*»; здесь «*odio humani generis convicti sunt*». — Эти признаки едва ли предрасполагают думать, что Тацит по меньшей мере в других подробностях был научно точен. Особенно мало вероятно, чтобы он дал себе труд — точно разграничить те сведения о христианах, которые были доступны ученому II в., от того, что сказано было о них в первоисточниках по поводу гонения при Нероне. Тацит конечно полагал, что, сообщая о христианах больше данных, он только исполняет свой долг писателя, а не переписчика. Между тем период правления Флавиев в истории христианской церкви имеет (в известном отношении) такое же значение, как патриаршествование Никона в истории старого обряда. Прежде всего удаление, *μετακόστας*, христиан иерусалимских в начале иудейской войны в Пеллу, вдаль от театра военных действий, после, 70 г. конечно тяжело было вменено иудеями христианам-единоплеменникам, а затем и всем христианам вообще. Сказавшийся в этом факте разрыв между церковью и синагогою мог быть только полным и окончательным. Совершенно в порядке человеческих отношений, если верные своим национальным мечтаниям иудеи, надеявшиеся на что-то от восстания при Нероне, возненавидели своих братьев между христианами как изменников, возненавидели совершенною ненавистью патриотов, утративших свое отечество; а этот патриотизм мог внушить семиту и такие строфы: «Дочь Вавилона, опустошительница! блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам! блажен, кто возьмет, и разобьет младенцев твоих о камень!»⁶. Теперь не только вопрос, за кого считать Иисуса Назарянина и что думать об обязательности моисеева закона, разделял иудея от христианина, но и сбывшееся пророчество: разоренный Иерусалим и сожженный храм. При этих обострившихся отношениях мудрено было и римлянам не заметить, что есть иудеи и иудеи. Затем чисто правовые последствия падения Иерусалима вели к тому же результату.

*Iudaea capta*⁷, не стало более иудеев как национальности, явились «*οἱ ποτὲ ἰουδαῖοι*», *peregrini dediticii*; на место *πολίτευμα* осталась *συναγωγή* как *collegium cultorum*, в которую нужно было «записываться», *profited*, заявлять о своем желании *iudaicam vivere vitam* и платить за право посещать синагогу дидрахму в храм Юпитера капитолийского. Сбор этой дидрахмы при Домициане, строгий и придирчивый, дал в руки низшим представителям римской администрации — можно сказать помимо их желания — довольно значительный статистически материал для заключения о действительной численности настоящего иудейского населения⁸. Администрация должна была понять, что до тех пор она причисляла к иудеям ошибочно и таких лиц, которые и знать не желают иудеев, которые не только не принадлежат к этой народности по происхождению, но и не посещают иудейских синагог, а имеют свои молитвенные собрания⁹. Имя «*christiani*», к которому администраторы относились до тех пор равнодушно, по

необходимости должно было выступить как точное обозначение мнимых иудеев.

Не удивительно поэтому, что при Нерве и Траяне, христиан с иудеями не смешивает никто: ни Плиний, ни Тацит, ни Светоний. Но значит-ли это, что христиан не смешивали с иудеями и при Нероне? Конечно, если верить Тациту на слово, то римская полиция в 64 г. умела произвести преследование христиан так, что оно вовсе не затронуло иудеев. Но едва-ли так было на самом деле. В подложной переписке между Сенекою и ап. Павлом выгодно отличается чистотой работы от других посланий то письмо, в котором мнимый Сенека извещает апостола о римском пожаре. По-видимому, у составителя этого послания был под руками источник до нас не дошедший, и может быть из него заимствовал автор и следующие строки: «*Christiani et judaei quasi machinatores incendii supplicio adfecti, ut fieri solet*»¹⁰. Но рассказ Тацита, если он исторически точен, ведет к целому ряду других предположений, столь-же мало правдоподобных. *Subdidit reos*, наметил мнимых виновных сам Нерон. Следовательно в июле 64 г. о существовании христиан, как секты отличной от иудеев, знает уже сам император или, по меньшей мере, самые близкие к нему люди, поставленные во главе правления, — не какие-нибудь низшие полицейские чины, вынужденные волею-неволею входить в сношения с темными нелюбимыми, иногда подозрительными иудеями, задавать им строгие вопросы: «*Ede ubi consistas; in qua te quaero proseucha*»?¹¹ и научившиеся сортировать иудеев по «просевхам». Нерон знает и то, что низшее римское население, *vulgus*, ненавидит этих христиан и ненавидит именно за *flagitia*, не за *scelera*, не за *facinora*; он знает следовательно, какие мерзости приписывают христианам. Но в таком случае, «*vulgus*» сравнительно давно отличил христиан от иудеев, если к 64 г. уже приписывал первым чудовищные *flagitia* и ненавидел их так, что способен был от их руки ждать себе всего недоброго.

Ко времени пожара христианство насчитывало уже около 30 лет существования. Но было бы несправедливо думать, что римское правительство этим сроком уже воспользовалось для того, чтобы вызнать христиан в их отличительных особенностях. Слишком брезгливо относился римлянин к иудею для того, чтобы своевременно оказаться в курсе духовного движения, зародившегося в недрах этой презираемой *superstitio*. Когда между 50 — 52 годами римские синагоги пришли в страшное возбуждение из-за вопроса о христианах, римские власти заметили эти *assidui tumultus* и — еще то, что в Риме иудеев «опять стало много». Всмотреться в смысл этих *tumultus*, дознаться их настоящей причины, не дали себе труда; имя *Χριστός* повторялось слишком упорно в устах этих *tumultuantes*, чтобы не дойти до сведения полиции, и она просто решила, что иудеев возбуждает какой-то *Χριστός*, и, не разбирая, кто из споривших прав и кто виноват, приняла те или другие меры, чтобы часть иудеев «выгнать из Рима»¹². — В 52 г.¹³ коринфские иудеи вздумали было искать защиты своему «закону» у проконсула Ахаии Юния Аннея Галлиона и обвиняли пред его трибуналом ап. Павла в том, что «он учит людей чтить Бога не по закону», *παρά τὸν νόμον*. Образованный римлянин и не подумал воспользоваться этим случаем, чтобы раскрыть, нет-ли между иудеями последователей этой *religio nova externa*, которые может быть уже не имеют права на те привилегии, которые Рим предоставляет последователям иудейской религии и которые очевидно самым своим существованием оскорбляют эту привилегированную нацию, *gens Iudaeorum*. Проконсул даже не допустил апостола и до защиты, прямо заявив, что в жалобах иудеев не усматривается состава преступления: ни *injuria*, ни *dolus malus*. Идут какие-то *ζητήματα* о каком-то *λόγος*, об *ὀνόματα*, о *νόμος*, — вопросы, разбирать которые проконсул не имеет ни обязанности, ни охоты. «Разбирайтесь сами; я не хочу быть судьей в этом», — ответил проконсул обвинителям, «и прогнал их от судилища» — к великому удовольствию коринфской черни, которая принялась бить архисинагога пред самым трибуналом; «и Галлион ни мало не беспокоился о том» ([Деян. 18:12-17](#)). — Палестинские события 56 — 58 гг. так-же не дали римским властям определенного

результата в смысле выяснения отличия христианства от иудейства ([Деян. 21:26-30, 32](#)). Иерусалимские иудеи отнеслись к ап. Павлу в высшей степени враждебно: «метали одежды и бросали пыль на воздух» ([Деян. 22:23](#)); вопияли: «смерть ему! не должно ему жить!»! Больше сорока человек составили заговор на жизнь Павла. Начальник иерусалимского гарнизона счел своею обязанностью спасти апостола от заговорщиков и под прикрытием сильного конвоя отправил его в Кесарию. Но эта интенсивная вражда к апостолу была явлением решительно непонятным в глазах римлянина; на лицо были какие-то «спорные вопросы в их законе» — и начальник гарнизона имел возможность собственными глазами видеть, как синедрион, судивший Павла и готовый разорвать его, перессорился между собою из-за этих вопросов, так что одна часть его членов уже «ничего худого не находила в этом человеке». И Клавдий Лисий со своей стороны тоже полагал, «что нет в нем никакой вины, достойной смерти или оков» ([Деян. 23:29](#)). Прокуратор М. Поркий Фест, которому пришлось сразу по прибытии в Палестину пересматривать дело апостола, находился в положении несравненно менее благоприятном, чем Феликс, его предшественник, женатый на иудеянке. Страстное озлобление иудеев против Павла; вопли: «не должно ему более жить!» и — никакого понятного римлянину *crimen* на деле. Фест признал заявление апостола: «я не сделал никакого преступления ни против закона иудейского, ни против храма, ни против кесаря» ([Деян. 25:8](#)) вполне доказанным. В остальном — какие-то *ζητήματα* об их *δεισιδαιμονία* «и о каком-то Иисусе умершем, о котором Павел утверждал, что Он жив» ([Деян. 25:19](#)).¹⁴ — И действительно в характере этих *ζητήματα* нелегко было разобраться человеку даже более сведущему, чем Поркий Фест. С одной стороны апостол утверждал, что «он ничего не говорит, кроме того, о чем пророки и Моисей говорили» ([Деян. 26:22](#)); что «на пути», который он проповедует, он «служит Богу отцов своих»: его Бог, его вера, его надежда — те же самые, что и у иудеев. С другой стороны, и сами враги апостола имели побуждения настаивать на том, что он действительно иудей и, как такой, подсуден синедриону. «Путь», который проповедует апостол, они не признают за *religio nova*, отличную от иудейства, а только за «*τὴν τῶν ναζωραίων αἵρεσιν*». Следовательно к трем «*αἵρέσεις*», уже существовавшим в иудействе (фарисейству, саддукейству, ессейству) прибавилась только четвертая — ересь назореев. Получался спор даже не о принципах, а только о частностях. И Фест счел возможным предложить Павлу — идти в Иерусалим судиться пред враждебным ему синедрионом. В ответ на это апостол апеллировал к суду кесаря и тем поставил прокуратора в особенное затруднение: приходилось писать по делу апостола в Рим, а Фест «ничего верного» ([Деян. 25:26](#)) не имел сказать императору. Прокуратор обратился с просьбою к царю Агриппе — высказать свое мнение по этому делу. Выслушав апостола, царь признал, «что этот человек не делает ничего достойного смерти или уз» и что «можно было бы освободить его».

Едва ли можно допустить, что римская чернь находилась в более благоприятных условиях, чем прокуратор Фест, для выяснения различия христианства от иудейства. Если в 58 г. для прокуратора проповедь апостола оказывается загадкою и имя «христианин», которое произносит Агриппа, не вызывает в Фесте никаких ужасных представлений, не колеблет его убеждения в невиновности апостола; то когда же *vulgus* успел составить столь определенное представление о христианах и дать ему столь широкую огласку, что о народной ненависти к христианам в 64 г. знает уже сам Нерон? — Книга «Деяний апостольских» кончается 61-м годом, и оставляет горизонт без тех грозowych туч, которые рисует на нем в 64 г. Тацит. Даже иудейское население столицы относится к апостолу скорее нейтрально, чем враждебно. На «ненависть» римского народа к христианству — ни малейшего намека. Апостол «целых два года» проповедует «о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно». Его послания, писанные во время римских уз, говорят о значительных успехах евангельской проповеди в Риме, о верующих «из дома кесарева», о той известности, которою узник за Христа

пользуется «во всей претории». Апостол испытывал и огорчения, но видимо от христиан известного направления, может быть и от некоторых иудеев; но опасности со стороны римских vulgus решительно вне кругозора апостола. — Таким образом, переходя от Нового Завета к Тациту, приходится сделать salto mortale или же усомниться в точности сообщений римского историка о событиях 64 г. И не одна ненависть римского народа, не только рассказы о flagitia, совершаемых христианами, вызывают это недоверие: можно ставить вопрос: самое название «christianus» пользовалось ли в 64 г. такую широкою известностью среди римского населения? То несомненный факт, что христиане, современные апостолам, сами себя так не называли: ἀδελφοί πιστοί, ἄγιοι, — вот названия, которые христиане носят в писаниях апостольских. Слово «χριστιανός» только трижды встречается во всем Новом Завете¹⁵. И конечно не иудеи прозвали христиан таким именем. Из уст римских иудеев времени Нерона слово «christianus» можно было слышать крайне редко. И совсем невероятно, чтобы римская толпа с чрезвычайным вниманием подмечала каждую новость в поведении всяких Campenses и Suburenses cultores¹⁶. Естественнее предполагать, что какое-нибудь чрезвычайное событие раскрыло глаза и римскому правительству и самой толпе и вынудило их заметить существование христиан подле иудеев.

Таким событием могло быть осуждение апостола Павла на смерть в 62 г. Подробности суда над апостолом вовсе неизвестны, и приходится поневоле возвращаться в области чистых предположений, когда ставится вопрос, чем кончились римские узы Павла. Что на «первом ответе»¹⁷ он «избавился из львиных челюстей», свидетельствует он сам. Весьма вероятно, что смысл его «первой апологии» в Риме был тот же самый, что и пред Фестом в Кесарии: «я не сделал никакого преступления ни против закона иудейского» [ведаться с которым praefecti praetorio в Риме имели столь же мало охоты, сколько и proconsul Achaiae в Коринфе], «ни против храма, ни против кесаря» (Деян. 25.8). Вполне благоприятное апостолу elogium от прокуратора Феста конечно подтверждало невиновность его с точки зрения римского закона. Но «второй ответ», к которому апостол готовился, когда предшествующий ответ называл только «первым», — может быть закончился приговором: «gladio animaduerti placet». Обыкновенно предполагают, что иудеи с успехом выставили Павла возмутителем общественного спокойствия: своею проповедью он везде, и всюду возбуждает tumultus среди иудеев¹⁸. Но красноречивою защитою апостолу мог служить тот факт, что римские власти более двух лет уже оставляют его на относительной свободе; он «невозбранно» принимает всех к нему приходящих, беседует с ними, и никакого возмущения в Риме не произошло. — В таком случае, не предали ли иудеи Павла властям как апостола христианства, как проповедника religio nova? Но удобно ли было им доказывать это пред судом, для которого и само иудейство было только superstitio externa и быть может даже absurda sinistra foeda, который от всяких ζητήματα περί ὀνομάτων καὶ τοῦ νόμου αὐτῶν сторонится с чувством, похожим на отвращение? И что могли префектам претории сказать иудеи? Павел христианин, признает Христом Иисуса, который per procuratorem Pontium Pilatum supplicio adfectus erat. Но ведь над головою Распятого стояла надпись: Iesus Nazarenus Rex Iudaeorum. В удобном ли свете этот titulus supra cruceм выставял лояльность самих иудеев? И так ли ужасно для римлян, что Павел ведет с иудеями споры «о каком-то Иисусе умершем, о котором Павел утверждал, что Он жив»? Умерший политически не опасен, и в этом умершем, по убеждению Павла, осуществлены уже все заветные чаяния иудейского народа. Обвинители апостола этого не думали; но содержание «надежды израилевой», которой они сами держались, так ли было успокоительно для кесаря? Словом, иудеи сами понимали, что чем меньше говорить о Христе пред трибуналом префектов, тем лучше. Христианство в смысле religio illicita во время суда над апостолом вероятно не было поставлено. Во всяком случае, смертный приговор апостолу объясним и без этого

предположения. Достаточно было иудеям заручиться сочувствием напр. Тигеллина, чтобы без всякого с своей стороны риска погубить ненавистного им Павла¹⁹. Можно было доказать, что апостол, по меньшей мере, в том отношении не иудей, что живет не по-иудейски, что на *ritus iudaici* смотрит не так, как иудеи²⁰. И во всяком случае иудей, от суда своих первосвященников апеллирующий к правосудию римского императора, по-видимому более сознавал себя «римским гражданином», чем иудеем. Но всякий «римский гражданин» «иудейского вероисповедания» представлял несомненно *contradictio in adjecto* с точки зрения римского права; такое явление можно было только терпеть как факт, но в принципе таким *cives romani* всегда было можно и даже должно сказать: *Non licet esse vos!* и предложить им «*romanas caerimonias recognoscere*»²¹. Положение апостола — римского гражданина, обвиняемого своими соплеменниками в том, что он чтит Бога не по иудейскому закону, — было еще менее устойчиво. И может быть ему предложили оставить «*ritus profani*» окончательно и оправдать свое гражданство — принятием «римской религии», а за отказ от этой «*facultas ad morem romanorum redeundi*» осудили его на смерть²².

Но если даже допустить, что в 64 г. римский «народ» знал христиан в их отличии от иудеев, глубоко ненавидел первых и мотивировал свою ненависть к ним их позорными пороками; то легко ли объяснить ход розыска, те подробности, которые передает Тацит? *Igitur primum correpti qui fatebantur*. Относительно смысла слова «*fatebantur*» «сознавались» кажется никакое сомнение невозможно: *fatebantur* они отвечали: да на некоторый вопрос о чем-то их касающемся и для них не безразличном. Или же: в ответ на не прямой или даже немой вопрос, к ним обращенный, они сами дали показание о чем-то их касающемся. Нравственная природа понятия *fateri* дорисовывается дополнительной, но часто наблюдаемой чертой некоторого самоотвержения: они сами без положительного принуждения ответили: да, хотя для их эгоизма было бы выгоднее сказать: нет; они рассказали что-то, о чем их себялюбие располагало бы их молчать²³. — Но содержание этого «сознания»²⁴ несомненно неясно вследствие допущенной здесь Тацитом двойной небрежности: он пропустил необходимое дополнение в виде *accusativus cum infinitivo* и в предшествующем поместил два показания, так что возможно проектировать два дополнения: а) *fatebantur se christianos esse*, и в пользу такого дополнения говорит то, что оно взято из фразы ближайшим образом предшествующей (γ) и непосредственно пред *igitur* разъясненной (во вводном предложении δ) — и б) *fatebantur se incendium fecisse*, и в пользу этого дополнения можно указать на то, что хотя оно взято из фразы несколько более отдаленной (α), но это *igitur* решительно возвращает течение речи именно к этому пункту, именно его раскрывает (οα). — Если, таким образом, не бесспорен даже грамматический смысл этого «*igitur fatebantur*»; то еще труднее усмотреть в нем смысл исторический, понять, что же именно происходило в действительности в 64 г.²⁵ И может быть и грамматический смысл фразы скорее затемнен, чем разъяснен пререканиями филологов именно вследствие того, что они, предубежденные в пользу Тацита, далеки были от мысли, что знаменитый историк сказал здесь нечто исторически несообразное, и — сами того не подозревая — захотели быть апологетами Тацита и — вместо задачи филологов-комментаторов данного текста, которые ищут в нем только «*auctoritas*», только тот смысл, который влагает в него сам автор, и не ясное для самого автора не выдают за ясное его читателям, — взяли на себя труд — быть историками гонения на христиан при Нероне и потому решились оспаривать наличность того смысла в рассматриваемой тираде, который должен признать филолог и не может принять историк.

В самом деле, если признать (провизорным образом), что Тацит хотел сказать: «*fatebantur se incendium fecisse*», — полная историческая несостоятельность этого показания выясняется сразу. Ведь если христиане — а Тацит говорит именно о христианах, не об иудеях и ни о ком

другом, — сознались, то есть, не под пыткой, а добровольно показали, что они подожгли Рим; то, следовательно, действительно они, и не кто другой, виновники этого поджога, этого преступления. Тот историк, для которого этот вывод не абсурд, очевидно, вынужден признать, что о древних христианах мы решительно ничего не знаем; что далее и первая строка истории христианства еще не написана... Но этот абсурд, никем не защищаемый, еще вовсе не абсурд с точки зрения Тацита: в суждении о характере христиан он ошибся *toto coelo* и потому мог допустить, что Рим подожгли действительно христиане. Допускал ли он это на деле, иной вопрос. — Несравненно более неудобна для историчности рассказа Тацита другая постановка вопроса: допуская даже, что *qui fatebantur se incendium fecisse* были не христиане (как ошибочно полагал Тацит), а несколько вредных личностей, которые действительно подожгли Рим, — можно ли отстаивать историческую достоверность этих строк Тацита? По моему мнению, психологически невозможно, чтобы кто-нибудь в августе-сентябре 64 г. сознался: да, это я поджег цирк. И наивна была бы та полиция, которая в ту пору кому-нибудь предложила бы *ex abrupto* вопрос: *nonne tu incendium fecisti?* «Кому не любя на плечах голова?» Кто не понимал, что за сознание помилованья ему не будет, что его ждет лютая казнь? Следовательно такое откровенное дополнение, как «*se incendium fecisse*», если оно действительно предносилось уму Тацита, представляет историческую несообразность.

Другое дополнение, «*se christianos esse*», как кажется, обязано своим появлением не тексту Тацита, а сознанию, что иначе нельзя отстаивать историчность его рассказа. Это — своего рода *Ehrenrettung* Тацита. Мы очень хорошо знаем, в чем действительно могли «сознаваться» и «сознавались» христиане. У Плиния читается показание: «*interrogavi ipsos an essent christiani, confitentes iterum ac tertio interrogavi*»²⁶. Это безукоризненно точное сообщение пытаются прочитать и в небрежных строках Тацита. Неудобно однако то, что те исторические христиане, с которыми имел дело Плиний, не походят на ту зловредную гнусную секту, какую представляет их Тацит. В таком «христианстве» «сознаться» пожалуй, почти так же трудно и опасно, как и в поджоге. С другой стороны, «народ» по-видимому, так хорошо знал христиан, что не совсем понятно, на что еще нужно было собственное их сознание. Или эти христиане и не думают скрываться от кого бы то ни было, или же полиция поступает слишком доверчиво, когда решает кого-нибудь из них спросить: *nonne christianus es?* Во всяком случае контекст в широком смысле слова не благоприятствует такому толкованию слова *fatebantur*. Что при словах «*Nero subdidit reos*» нужно подразумевать опущенное «*incendii*» (*reos*), едва ли кто-нибудь сомневается. Только совсем беспомощное убожество может пытаться реабилитировать свое доброе имя не прямым опровержением того, что набрасывает на него тень, *infamia*, а каким-нибудь сенсационным процессом, который займет внимание толпы и — на время — заставит ее забыть об этой «*infamia*». В таком жалком положении Нерон в 64 г. не находился, и начатый по его приказанию судебный процесс направлен был против поджигателей. И закончен он был в том же самом направлении. Его последний результат, по словам Тацита, если перевести их на современный язык, был следующий: прямых улик в поджоге судебное следствие открыло немного, но косвенные улики против подсудимых нашлись подавляющие; и суд вынес твердое нравственное убеждение, что люди столь вредного образа мыслей, столь злонамеренные, конечно подожгли Рим. В этом смысле постановлен был и приговор против подсудимых, приведенный в исполнение в тоне свирепой *taliö* поджигателей жгут.

Sueton, Nero 16: «afflicti supplicii Christiani, genus hominum superstitionis novae ac maleficae». Это известие исторических сведений о гонении при Нероне не расширяет. Рамсэй (W. M. Ramsay, *The Church in the Roman Empire before a. d. 170*, London 1894 (3 ed.), p. 229—232) придает ему важность необычайную. Нерон установил принцип, которым правительство должно было постоянно руководствоваться в делах о христианах, смотреть на них как на секту не только не дозволенную, но и прямо зловредную. Фальшь этого толкования, или по меньшей мере его беспочвенность, выясняется из слов самого Светония, n. 16: [α] Multa sub eo [Nerone] et [aa] animadversa severe et [bb] coercita, [β] nec minus instituta. «Instituta», категория β, начинаются со слов: «adversus falsarios tunc primum repertum». Все предшествующее составляет категорию α. На что правительство «обратило серьезное внимание» [aa], Светоний поясняет четырьмя примерами; следующие три «afflicti supplicii — relegatae» показывают, что некоторых при Нероне действительно «обуздали» [bb]. Но распоряжение: pantomimorum factiones cum ipsis simul relegatae едва ли могло быть чем другим, как только временной полицейской мерой, единичным случаем coercitio. Рамсэй вынужден и в этом видеть постоянно действующее мероприятие. Но тогда пантомимам в Риме и житья бы не было.

Ср. однако суждение *Моммсена* (*Römische Geschichte*, Berlin 1886, V, 4): Wer an die sogenannten Quellen dieser Epoche, auch die besseren geht, bemeistert schwer den Unwillen über das Sagen dessen, was verschwiegen zu werden verdiente und das Verschweigen dessen was nothwendig war zu sagen.

Tertull. ad nationes, 1,11 apologetic. e.

Plin. epist. 2, 11, 17.

Из annal. 2, 85.

Псалом 136, 8. 9.

Sueton. Vesp. 5: unus ex nobiles captivis Iosepus. Arnold, Die neronische Christenverfolgung, Leipzig 1888, 38, полагает, что Tacit, hist, 5, 33 (Sueton. Vespas. 4) заимствовано из Ioseph. de bello jud. 6, 5, 4.

Существенно важно показал *Sueton. Domit. 12: exhaustus operum ac munerum impensis stipendioque — temptavit etc. — Confiscabantur alienissimae hereditates — Praetor ceteros iudaicus fiscus acerbissime actus est; ad quem deferebantur qui vel inprofessi iudaicam viverent vitam, vel dissimulata origine imposita genti tributa non pependissent. Interfuisse me adulescentulum memini, cum a procuratore frequentissimoque consilio inspiceretur nonagenarius senex an circumsectus esset.* Mommsen, *Der Religionsfrevler*, 425, замечает, что требование этой подати с *improfessi* было злоупотреблением. Однако эти *improfessi* все же „жили по-иудейски», и неплатеж подати с их стороны был злоупотреблением. Напротив, вторая категория, те природные иудеи, которые скрывали свое происхождение и — по-видимому — *по-иудейски не жили* (иначе в чем же могло выразиться их *dissimulatio?*), были привлечены к *fiscus iudaicus* действительно по злоупотреблению. Наличное положение ясно: желают пополнить опустелую казну и собрать сколько возможно больше денег. И к *fiscus iudaicus* [при этом нельзя опускать из вида воззрения *Моммсена*, *Rom. Gesch. V, 539*, что подать на храм с иудеев не была сложена, „но в виде горькой пародии поступала теперь к Юпитеру капитолийскому и его представителю на земле, римскому императору», — против *Arnold, 102,1*] привлекали всех, кого можно привлечь. И едва ли столько хлопот дали себе прокуратор и его *consilium*, чтобы только взыскать с 90-летнего старца дидрахму, т. е. 2 денария 6,6 g. серебра 36,67 коп. курант. серебра; вероятно за уклонение от *fiscus iudaicus* положена была если не конфискация всего имущества (*Arnold, 102,1*), то очень тяжелый штраф. А так как при Нерве была выбита медаль *FISCI IVDAICI CALVMNIA SVBLATA*, то всего естественнее предположить, что „клеветнический» характер взыскания этого фиска и — штрафов дал себя почувствовать *и римским гражданам совсем не иудейского* происхождения — видимо вследствие того, что сборщики этого фиска признавали удовлетворительными и совсем легковесные доказательства того, что данное лицо живет по-иудейски, действовали наугад, по легкомысленному подозрению. Едва ли возможно настаивать что под категорию „*qui vel inprofessi iudaicam viverent vitam*» подходят только природные иудеи, не желавшие платить дидрахмы в виду „горькой пародии», связанной с этой податью, и потому не заявлявшие о себе, где следует; вероятно туда же относятся „*καὶ ἄλλοι ἐς τὰ τῶν ἰουδαίων ἦθη ἐξοκέλλοντες πολλοί*«, о которых у *Dio Cass. 67, 14*, — лица не иудейского происхождения, которые потому остались *improfessi*, что не имели надежды получить от правительства разрешение жить по-иудейски. Финансовая цель и в отношении к ним достигалась верно: если их неудобно было штрафовать за неуплату дидрахмы, то *coercitio* за соращение в *superstitio externa* была под рукою: *καὶ οἱ μὲν ἀπέθανον, οἱ δὲ τῶν γούν οὐσιῶν ἐστερήθησαν*. Строгость и придирчивость при взыскании *fiscus iudaicus* могли быть вызваны тем, что число *professi* далеко не достигало той цифры, какую, по мнению общества, представляла масса иудейского населения. В действительности же общественное мнение причисляло к иудеям таких лиц, которые иудеями не были ни по вере, ни по происхождению. Что это предположение имеет за себя большую вероятность, видно из следующего. Христианские писатели хорошо знают, что при Домитиане было гонение на христиан; между тем Евсевий (*hist. eccles. 3, 18, 5; Eusebii chroniconum libri duo, ed. A. Schoene, Berolini 1866, vol. 2, 160. 162. 163*) только у языческого писателя Бруттия (*Βρῆτιος*, у Иеронима *Bruttius*) нашел прямое упоминание о христианах (*οἱ γὰρ καὶ τὸν καιρὸν ἐπ' ἀκριβὲς ἐλεσημήναντο, ἐν ἔτει πεντεκαίδεκάτῳ Δομετίλλαν ἱστορήσαντες, ἐξ ἀδελφῆς γεγонуῖαν Φλαοῦίου Κλήμεντος, ἐνὸς τῶν τηνικάδε ἐπὶ Ῥώμης ὑπατῶν, τῆς εἰς Χριστὸν μαρτυρίας ἔνεκεν εἰς νῆσον Ποντίαν κατὰ τιμωρίαν δεδόσθαι*. Древний армянский перевод церковной истории Евсевия, изданный в Венеции в 1877 г. мхитаристом

вардапетом А. Чарьяном, своими δουσικ κερν „дочь сестры» и Повдиαј подтверждает точность наличного текста, согласного и с хроникою. Известия Диона Кассия о казни экс-консула Фл. Климента и ссылке его жены Фл. Домитиллы Евсевий или не знал или — вероятнее — не считал себя в праве, на основании простого ἐπληνεχθη δὲ ἀμφοῖν ἑγκλημα ἀθεότητος ὑφ' ἧς καὶ ἄλλοι ἐς τὰ τῶν ἰουδαίων ἔθη κτλ., — рассматривать их как мучеников за Христа пострадавших; очевидно в доступных ему древних церковных памятниках Евсевий не встретил указаний, что римская церковь Фл. Климента, consul ordinarius 95 г., и его жену Фл. Домитиллу признавала за христиан. И Н. Aehelis (Acta ss. Nerei et Achillei [*Harnack's Texte u. Untersuchungen zur Geschichte d. altchristlichen Literatur* Leipzig 1893, Bd. XI, 2], 49 — 51) справедливо сомневается в личном тождестве Флавии Домитиллы у Диона и Флавии Домитиллы у Бруттия: ἐξ ἀδελφῆς и γυναῖκα, εἰς νῆσον Повτίαν и ἐς Πανδατερίαν, — признаки в пользу скорее различия, чем тождества. Этот Бруттий у других авторов не упоминается. Между тем Тацит, Светоний и Дион Кассий вовсе не упоминают об этом гонении на христиан. Sueton. Domit. 15. Flavium Clementem patruelem suum, contemptissimae inertiae, — repente ex tenuissima suspicione tantum non in ipso eius consulatu interemit. Правда, текст Диона Кассия не сохранился; но составлявший ἐπιτομήν его истории, Иоанн Ксифилин (в 1071 — 1078 гг.), племянник патриарха константинопольского, очевидно не пропустил бы известия о христианских мучениках. И соответствующая книга анналов Тацита тоже не дошла до нашего времени; но нет никаких оснований сомневаться в том, что Сульпиций Север ею мог пользоваться; а он говорит (Chron. 2, 31, 1) только: Domitianus, Vespasiani filius, persecutus est christianos. quo tempore Iohannem apostolum atque euangelistam in Pathmum insulam relegavit. Это известие почерпнуто очевидно из христианских источников. — Следовательно, даже и в это время, в 95 — 96 гг., христиан принимали за иудеев

Mommsen, Der Religionsfrevler, 424. 425. „Природный иудей de jure не подлежал этой подати, если он не „жил по-иудейски», и наоборот теперь мог и римский гражданин получить право — соблюдать иудейские религиозные обряды. Само собою разумеется, из этого еще вовсе не следует, что этот выбор предоставлен свободному усмотрению каждого; *professio* доставляло правительству в руки возможность — давать это разрешение одним и отказывать в нем другим. И если природным иудеям, напр. историку Иосифу Флавию и его потомкам, это было дозволено; то лицам высших сословий не иудейского происхождения конечно не легко давали разрешение на переход в иудейство». 418. „Против маленьких людей вероятно никогда [при Флавиях] не возбуждали в широких размерах преследования за соращение в иудейство». „Факт, что при Домициане привлекали к уплате иудейской подати даже и тех, которые, не заявив о своем переходе в иудейство, *ohne übergetreten zu sein*, жили однако по-иудейски (*Sueton, Domit. 12*), просто-на-просто несовместим с уголовным преследованием за прозелитизм, *lasst sich mit crimineller Ahndung des Proselytismus schlechthin nicht vereinigen*». По-видимому Моммсен и в ἄλλοι πολλοὶ Диона Карсия, подвергшихся ἔγκλημα ἀθεότητος за свое „иудействование», видит римских аристократов (*S. 409: die angehörigen des flavischen Kaiserhauses und deren Genossen*).

E. Westenburg, *Der Ursprung der Sage, dass Seneca Christ gewesen sei. Eine kritische Untersuchung nebst einer Rezension des apokryphen Briefwechsels des Apostels Paulus mit Seneca.* Berlin 1881. Вестербург, SS. 16 — 18, склонен думать, что автор еpist. 12 имел пред собою только Tacit. 15, 40. 41. *A. Harnack* (*Theologische Literaturzeitung*, VI (1881), 449) в рецензии исследования Вестербурга пишет: „Ценное историческое предание содержится только в 12 послании — и именно о пожаре при Нероне. Если даже смотреть на это послание только как на плагиат знаменитого места у Тацита: то все же оно в высокой степени интересно прежде всего по своей исключительной своеобразности (*Einzigartigkeit*) в церковной литературе, далее по характеру модификации, какой подвергся здесь рассказ Тацита, но преимущественно потому, что здесь вместе с христианами упоминаются и иудеи как подставные *machinatores incendii*. Я согласен с Вестербургом в том, что может быть это 12-е послание — но и только одно оно — уже в оригинале составлено на латинском языке и следовательно не входило в состав первоначального собрания этих писем» [которые, по Гарнаку, появились вероятно в Риме на греческом языке между 200 и 250 гг. по р. Хр.]. — Как и Тацит и Светоний, псевдо-Сенека в еp. 12 истинным виновником поджога считает самого Нерона. „*Incendium urbs Romana manifeste saepe unde patiatur constat: sed si effari humilitas humana potuisset, quid causae esset, et inpune in his tenebris loqui liceret, iam omnes omnia uiderent*». Письмо кончается сообщением: „*centum triginta duae domus, insulae quattuor sex diebus arsere, septimus pausam dedit*». Чтобы ни думать о странном *insulae quattuor* (по *Westerburg*, 17, автор по невежеству принял *insulae* за *regiones*, по моему мнению, между *insulae* и *quattuor* пропущено несколько слов или же после *quattuor* выпало „*millia et...*»), во всяком случае цифру „132» псевдо-Сенека заимствовал не у Тацита. Нет оснований подозревать, что автор послания, несомненно христианин, поставил ее — что называется — „от ветра главы своея»: он предпочел бы в таком случае сообщить цифру христиан, пострадавших при Нероне. С точки зрения тенденции апокрифической переписки, цифра сгоревших зданий не имеет важности; если же эти „132 *domus, insulae...*» упомянуты, то — потому, что неизвестный автор нашел эти строки в своем первоисточнике — может быть одним из тех сочинений, из которых черпал и Тацит. В таком случае „*et judaei*» имеет положительную ценность, как поправка к рассказу Тацита. „Сочинять» такую подробность христиане III — IV вв. едва-ли имели побуждения.

Juvenal, sat. 3, 296.

Sueton Claud. 25: iudaeos impulsore Chresto assidue tumultuantes Roma expulit. Dio Cass. 60, 6: τοὺς τε ἰουδαίους πλεονάσαντας αὐθις [после Тиверия]. О мерах Mommsen, D. Religionsfrevl, 408. 416. В числе изгнанных оказались и христиане из иудеев. [Деян. 18:2](#). Толкование места Светония в смысле Χρηστός Χριστός обычное. E. Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi, Leipzig 1886, Bd. 2, 509. W. Moller, Lehrbuch der Kirchengeschichte, Freiburg i. Br. 1889, Bd. 1, 77. Mommsen, Rom. Gesch., V, 523, находит, что такое недоразумение у Светония предполагают ohne zureichenden Grund. Но и существование „бунтовщика Хреста», нигде кроме данного места не упоминаемого, только осложняло бы историю одним чистым неизвестным. Non sunt multiplicandae causae.

В основе принимаемой мною хронологии Деяний апостольских лежит предположение, что ап. Павел осенью 58 г. (а не 60 или 61) отправлен был из Кесарии в Рим, [Деян. 27:1. 9](#), и летом-осенью 62 г. может быть уже скончался мученически. Мотивы *Христ. Чтение*, 1893, II (День и год мученической кончины св. евангелиста Марка), 432—434.

[Деян. 25:19](#). Так непонятна была язычнику идея воскресения из мертвых! Апостол казался Фесту ([Деян. 26:24](#)) просто „помешанным», „зачитавшимся». — И афиняне ([Деян. 17:18](#)) принимают „τὸν Ἰησοῦν καὶ τὴν ἀνάστασιν» за „ξένα δαιμόνια» ([Деян. 26:22, 24:14, 15, 23:6, 24:5](#)).

[Деян. 11:26](#): ἐγένετο δὲ αὐτοῖς [Βαρνάβα καὶ Παύλῳ] — διδάξαι ὄχλον ἱκανόν, χρηματίσαι τε (vulgatä ita ut cognominarentur) πρῶτως ἐν Αντιοχείᾳ τοὺς μαθητὰς χριστιανούς. [Деян. 26:28](#): ὁ δὲ Ἀγρίππας πρὸς τὸν Παῦλον ἐν ὀλίγῳ με πείθεις χριστιανόν ποιῆσαι. [1 Πέτρ. 4:15](#): μὴ γάρ τις ὑμῶν πασχέτω ὡς φονεὺς ἢ κλέπτης ἢ κακοποιός ἢ ὡς ἀλλοτριεπίσχοπος. 16: εἰ δὲ ὡς χριστιανός, μὴ αἰσχυνέσθω, δοξαζέτω δὲ τὸν Θεὸν ἐν τῷ ὀνόματι τούτῳ. Вероятно, антиохийцы-греки прозвали „учеников» христианами в смысле религиозно-философской секты, как τοὺς ἀμφί. Χριστόν, предположив, что „Христос», имя которого часто слышалось в устах „учеников», и есть их „учитель». Cf. *Sueton.*, Claud. 25: impulsore Chresto. Конечно, верующие ничего не имели против того, чтобы „внешние» называли их христианами. Но это название не выражало точно существа их отличия от иудеев. „Христианами» sui generis ([Матф. 24:5. 23](#); [Марк. 13:21](#); Иоанн. 1, 19. 20) были ведь и сами иудеи: и они ожидали пришествия Христа; иудей, отрекшийся от этой „надежды израилевой» ([Деян. 23:6, 26:6, 7, 28:20](#)), перестал бы быть иудеем. Апостолы „свидетельствовали εἶναι τὸν Χριστὸν Ἰησοῦν ([Деян. 18:5.28](#)); иудеи этого не допускали: имя „Ἰησοῦς», не имя „ὁ Χριστός», отличало христиан от иудеев. Последователи Эдварда Ирвинга называют свое общество „The Catholic and Apostolic Church»: мы не можем предоставить им такого названия, потому что нашу православную церковь признаем „кафолическою и апостольскою церковью», — и потому их общество называем „ирвингианами». По тем же самым побуждениям убежденные иудеи никак не могли согласиться называть „учеников» „христианами»: ἡ τῶν ναζωραίων αἵρεσις — вот единственно корректное название, которым может обозначить христиан представитель синедриона ([Деян. 24:5](#)), и лишь иудей такой сомнительной воды, как царь Марк Юлий Агриппа II, способен священное и для иудея имя „христианин» приложить к христианину. По всему этому невероятно, чтобы римские иудеи motu proprio просветили римский vulgus, что мнимых иудеев следует звать христианами.

В С.-Петербурге немцы составляют заметную часть населения; но многие ли из русских в состоянии с уверенностью ответить, евангелик, реформат или римско-католик — тот или другой лично знакомый им немец? Не странно ли предполагать, что римский *vulgus* вероисповедными различиями римских иудеев интересовался более, чем русские в С.-Петербурге — вероисповеданием проживающих в столице иностранцев? Не следует забывать, что послание ап. Павла к римлянам все посвящено решению вопросов: „какое преимущество быть иудеем, или какая польза от обрезания?» (3, 1), с какою целью дан закон? „неужели от закона грех?» (7, 7), „неужели Бог отверг народ Свой?» (11, 1). — Отношение ветхого завета к новому для римских христиан вопрос животрепещущий не менее, чем для самих иудеев. Следовательно, римская церковь в первую генерацию состояла конечно не из одних иудеев, но главным образом из тех οἱ σεβόμενοι, οἱ θεοσεβεῖς, из иудейских прозелитов, которых *E. Schurer*, *Die ältesten Christengemeinden im römischen Reiche*, Kiel 1894, 8, метко называет „иудейством второго порядка». Римских христиан апостольского века римский *vulgus* знал ранее или как иудеев, или как тех „metuentes sabbata», которые „judaicam vivebant vitam». И почему всякого Кая и Сея должно было интересоваться, что какой-нибудь „judaeus Apolla» или даже Кварт или Квинт, „unus multorum», „cui septima quaeque fuit lux Ignava», стал посещать не ту „proseucha», в которой видали его прежде? И если даже до слуха толпы долетало прозвание „Nazoraeus», допустим даже — „Christianus»; то ведь в Риме были иудеи не только *Statuaevalerianenses*, *Vicucorvenses*, *Suburenses*, но и Ἀγριππήσιοι и Αὐγουστήσιοι. Почему *Christiani* и *Nazoraei* не могли называться так по своим синагогам? почему *vulgus* должен предполагать в этих словах более глубокую разность, чем в *Agrippenses* и *Augustenses*?

[2 Τιμ. 4:16](#): ἐν τῇ πρώτῃ μου ἀπολογία.

[Деян. 24:5](#): ἐυρόντες γάρ τὸν ἄνδρα τοῦτον λοιπὸν καὶ κινοῦντα στάσεις πασιν τοῖς ἰουδαίοις τοῖς κατὰ τὴν οἰχομένην, πρωτοστάτην τε τῆς τῶν ναζωραίων ἀίρέσεως. „Возмущения» иудеев против Павла в нескольких городах Азии и Европы — бесспорный факт; но еще вопрос, муниципальные власти не считали ли более виновными в этих στάσεις самих иудеев, чем Павла.

В борьбе с апостолом иудеи не брезговали и средствами явно бесчестными. [Деян. 17:7](#). Низость клеветы „βασιλέα ἕτερον λέγοντες εἶναι Ἰησοῦν» не могла быть не понятна и самим „ревнителям», ее распускавшим.

[Галат. 2:11-14](#); [Кол. 2:16, 17, 21](#).

Так и поступил с иудеями *libertini generis* Тиберий. Mommsen, D. *Religionsfrevel*, 407. 408. 416. 417.

Tertullian. Scorpiace, 15: orientem fidem Romae primus Nero eruentavit. — Tunc Paulus civitatis romanae consequitur nativitatem, cum illie martyrii renascitur generositate. Эти слова — вероятно просто красноречие; но не невозможно и то, что до Тертуллиана дошло известие, что именно римское гражданство апостола было юридическим мотивом для постановления ему смертного приговора.

Cp. Tacit. anal. 1, 13. fessusque clamore omnium, expostulatione singulorum flexit [Tiberius] paulatim, non ut fateretur suscipi a se imperium, sed ut negari et rogari desineret. — 1, 44. supplices ad haec et vera exprobrari fatentes orabant [milites] puniret [Germanicus] noxios, ignosceret lapsis — 1, 58. pro iuventa et errore filii veniam precor: filiam necessitate huc adductam fateor. tuum [Caesar,], erit consultare, utrum praevaleat, quod ex Arminio concepit an quod ex me [Segeste,] genita est.

Вот контекст этого знаменитого места: (a) sed non — decedebat infamia, quin iussum incendium crederetur. (b) ergo abolendo rumori Nero (α) subdidit reos et (β) quaesitissimis poenis adfecit, ($\gamma\alpha\beta$) quos per flagitia invisos vulgus christianos appellabat. (§ $\delta\gamma$) auctor neminis eius Christus Tiberio imperitante per procuratorem Pontium Pilatum supplicio adfectus erat; repressaque in prrsens exitiabilis superstitio rursus erumpebat, non modo per Iudsam, originem eius mali, sed per urbem etiam, quo cuncta undique atrocita aut pudenda confluunt celebranturque. (c α) igitur (a) primum correpti qui fatebantur, (b) deinde indicio eorum multitudo ingens haud proinde [cod. Mediceus s. XI, единственный источник текста, «pInde», что, ш Orelli-Baiter, perinde] in crimine incendii quam odio humani generis convicti [это convicti — лишь всеми принимаемая конъектура, cod. Med. „cIuncti"coniuncti] sunt (d β) et pereuntibus addita ludibria, ut ferarum tergis contecti laniatu canum interirent, multi crucibus adfixi aut flamma usti, aliique, ubi defecisset dies, in usum nocturni luminis urerentur.

Тацит, кажется не без лукавства, прячет свое суждение о Нероне под маской строгой объективности: он и не приписывает ему поджога, как это делают Светоний и псевдо-Сенека, но и не снимает с Нерона этой вины; „rumor» (15, 44) возводит это обвинение; *pervaserat rumor — eum — cecinisse Troianum excidium»* (15, 39); но в конце концов „non — decedebat infamia» (15, 44). В том же „объективном» тоне составлено и начало рассказа о пожаре (15, 38): „sequitur clades, forte au dolo principis incertum (nam utrumque auctores prodidere)». Здесь по-видимому *tertium non datur*: или *forte*, и тогда в пожаре невиновен никто; никаких *sontes*, никаких *incendii rei*; или же *dolo*, и тогда виновен сам Нерон. Однако же „*Nero subdidit reos»* (и конечно *incendii reos*), и невозможно понять, как сам Тацит квалифицирует этот последний поступок Нерона. Ср. Tacit, ann. 1, 39: *pavidos et conscientia vaecordes intrat metus, venisse patrum iussu qui inrita facerent quae per seditionem expresserant. utque mos vulgo quamvis falsis reum subdere, Munatium Planeum — auctorem senatus consulti incusant.* Следовательно и Нерон может быть высказал только догадку, что в поджоге виновны христиане, — догадку не преступную и в том случае, если пожар произошел „*forte»*. Если же это было „*iussum incendium»*, то Нерон или просто погубил лиц несомненно невиновных или же выдал действительных виновников поджога, своих сообщников, выполнивших его приказание. Христиан Тацит третирует не лучше, чем Нерона. *Arnold, 26 – 28»* Вместо того, чтобы сказать ясно, были они виновны в поджоге или невиновны, он ставит загадочное «*sontes»*. Возможно и то, что в 15, 44 он берет назад дилемму, поставленную в 15, 38, и заменяет ее уже трилеммой: *forte an dolo principis an facinore christianorum.*

C. Plini et Traiani ep. 96.

*

Из посмертных бумаг покойного профессора В. В. Болотова.